

Генерал-майор Владимир Михайлович Яшвилъ

Виталий Бессонов

В некрополе козельской Введенской Оптиной пустыни среди многочисленных захоронений людей, известных своей духовной жизнью или оставивших заметный след на служебном поприще, выделяется могила грузинского князя Владимира Михайловича Яшвиля, чьё имя в историческом сознании оказалось тесно связано с убийством российского императора Павла I. О роли, которую сыграл в этой зловещей истории В.М. Яшвилъ, современный человек может составить исчерпывающее представление по многочисленным научным и популярным изданиям, посвящённым царствованию Павла I или обстоятельствам его гибели. Имя В.М. Яшвиля как одного из главных участников царевубийства 11 марта 1801 г. можно встретить в книге Н.Я. Эйдельмана, в сборнике «Со шпагой и факелом...», составленном Н.А. Бойцовым, в книге историка-эмигранта гр. В.П. Зубова¹. Этот перечень можно продолжить. Однако, несмотря на существующее в историографии единодушие, вопрос о причастности В.М. Яшвиля к заговору остаётся открытым. Связано это, прежде всего, с встречающимися в мемуарах противоречивыми данными: возможно, участником царевубийства был не Владимир Михайлович, а его родной брат Лев.

Следует подчеркнуть, что воспоминания являются главным источником, позволяющим восстановить ход событий 11 марта 1801 г. Никаких делопроизводственных документов, касавшихся заговора против Павла I, составлено не было, так как официального расследования причин смерти императора не проводилось, да и сам факт убийства тщательно скрывался. До революционных событий 1905 г. писать об обстоятельствах гибели Павла I было запрещено, всякие попытки историков обнародовать какие-либо сведения об этом пресекались цензурой. В воспоминаниях же как в источнике субъективном, отражающем окружающую действительность через призму авторского восприятия, существенно снижается достоверность передаваемой информации, что заставляет исследователя критически оценивать содержащиеся в них факты. Учитывая то обстоятельство, что именно воспоминания являются главным носителем информации о заговоре против Павла I, следует особенно тщательно сверять свидетельства разных мемуаристов, пытаться объяснить встречающиеся расхождения и выявить данные, отражающие реальную картину событий. При этом, как справедливо отмечал Н.Я. Эйдельман, из десятков мемуарных свидетельств на эту тему большая часть оказалась «записана людьми, находившимися далеко от дворца, порою даже в других городах, но запомнивших рассказы очевидцев; немало и “свидетелей третьей степени”, то есть тех, кто зафиксировал рассказ лица, в свою очередь пересказывавшего версию участ-

ника»². Из непосредственных участников событий записки оставили только барон Л.Л. Беннигсен и К.М. Полторацкий.

Согласно большинству воспоминаний, одним из деятельных участников убийства Павла I был князь Яшвилъ. В ряде мемуаров указываются только его фамилия и титул. Например, современник событий барон К.Г. Гейкинг, перечисляя заговорщиков, пишет, что среди них был «князь Яшвилъ», который после отказа императора подписать отречение «крикнул “Ты обращался со мною, как тиран, ты должен умереть!” При этих словах другие заговорщики начали рубить государя саблями и ранили его сперва в руку, а затем в голову»³. Служивший в 1801 г. в лейб-гвардии Конном полку А.Ф. Воейков в записке «Генерал граф Беннигсен» отмечал, что на императора «кинулись Татаринов, Скарятин, князь Яшвилъ»⁴. Другой современник Д.П. Рунич писал, что когда Павел I спрятался за ширму, вошедшие в комнату заговорщики растерялись, «но Яшвилъ, грузинский князь, или Бог знает, кем он был, приблизился к ширмам, за которыми увидел скрывающуюся жертву»⁵. Как видно, эти свидетельства не дают возможности определить, кто из братьев Яшвилей принимал участие в убийстве императора.

Вместе с тем, имеются воспоминания, содержащие более обширную информацию о Яшвиле, которая могла бы помочь в идентификации личности участника заговора. Но прежде чем анализировать мемуарные свидетельства, необходимо обратиться к биографиям братьев и выяснить, в каких чинах и на каких должностях они состояли к 11 марта 1801 г.⁶ Здесь возникают определённые сложности. Если данные о службе Льва Михайловича хорошо известны, то найти формулярный список его старшего брата до сегодняшнего дня не удалось. Восстановить основные вехи биографии Владимира Михайловича оказалось возможным благодаря обращению к Высочайшим приказам, отражавшим главные изменения в служебном положении офицеров российской армии⁷.

Согласно надписи на надгробном памятнике с могилы В.М. Яшвиля в Оптиной Пустыни, он родился 15 июля 1764 г.⁸, ещё в детстве был вывезен из Грузии вместе с младшим братом Л.М. Яшвилем и находился при Екатерине II. Обучался в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, откуда в 1782 г. был выпущен штык-юнкером в полевую артиллерию⁹. В.М. Яшвилъ принял участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и Польских походах 1792 и 1794 гг., при формировании в 1795 г. конных рот артиллерии назначен командиром 4-й роты¹⁰. 7 октября 1796 г. он был награждён

² Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 177–178.

³ Записки барона Гейкинга // Царевубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 247, 250, 251.

⁴ Из записок А.Ф. Воейкова // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 2. М., 1971. С. 131. Титул графа Беннигсен получил в 1813 г., следовательно, записка Воейкова не могла быть составлена ранее этого времени.

⁵ Рунич Д.П. Убийство императора Павла // Былое. 1906. № 6. С. 180.

⁶ Краткие биографии В.М. и Л.М. Яшвилей см.: Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 824.

⁷ Автор выражает признательность С.Н. Селёдкиной (РГИА) и Н.В. Зиновкиной (Государственный архив Калужской области, далее – ГА КО) за помощь в выявлении документов, а также особую благодарность И.С. Тихонову (ГА РФ) за ценные советы и поддержку.

⁸ ОР РГБ, ф. 213, оп. 11, д. 6, л. 12 об.–13. Средняя часть памятника, на которой были выбиты надписи, сохранилась до сегодняшнего дня.

⁹ Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. X.

¹⁰ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 154, 155.

орденом Святого Владимира 4-й степени, в 1797 г. имел уже чин майора¹¹. 19 августа 1797 г. Павел I пожаловал его орденом Святой Анны 3-й степени¹². Высочайшим приказом от 30 ноября 1798 г. подполковник артиллерийского Амбразанцова батальона князь Яшвилл был произведён в полковники¹³. С назначением новых шефов батальонов, в котором служил Владимир Михайлович, менял свои названия. С 1 октября 1799 г. он стал артиллерийским Карабына батальоном, а с 13 ноября 1799 г. – Булыгина¹⁴. Согласно Высочайшему приказу от 12 января 1800 г., полковник Яшвилл был назначен его командиром в батальоне Булыгина¹⁵, а после переименования батальонов в полки с 20 апреля 1800 г. – командиром артиллерийского Булыгина полка¹⁶. 13 сентября 1800 г. этот полк был переименован в 6-й артиллерийский. 13 ноября 1800 г. последовал приказ о произведении Яшвила в генерал-майоры с назначением флота цейхмейстером¹⁷, со старшинством с 8 октября того же года¹⁸. 13 января 1801 г. Владимир Михайлович был уволен в отпуск на 28 дней¹⁹.

Лев Михайлович Яшвилл родился в 1768 г. (по другим данным, в 1772 г.)²⁰. Воспитывался в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, откуда 12 мая 1786 г. выпущен штык-юнкером в Бомбардирский полк. Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. За отличие при взятии Очакова был награждён чином подпоручика. Принял участие в Польских походах 1792 и 1794 гг. За отличия в бою при Мадеевицком замке и штурме Праги (предместья Варшавы) награждён орденами Святого Владимира 4-й степени и Святого Георгия 4-го класса. 20 июня 1794 г. получил чин поручика. С 17 декабря 1794 г. служил в 4-й конно-артиллерийской роте. При уравнивании артиллерийских и армейских чинов 11 января 1797 г. Лев Михайлович был переименован в штабс-капитаны, 17 декабря 1797 г. получил чин капитана, а 12 апреля 1799 г. переведён в лейб-гвардии Артиллерийский батальон. Из гвардейской артиллерии 5 мая 1800 г. капитан Яшвилл был определён полковником в конный Богданова батальон²¹, который 13 сентября 1800 г. получил название 8-го артиллерийского полка. За отличие по службе 2 февраля 1801 г. Л.М. Яшвилл был награждён орденом Святого Иоанна Иерусалимского.

¹¹РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 64681, л. 2.

¹²Награды В.М. Яшвила даются по изданию: Придворный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1806. СПб., [1806]. С. 266, 369.

¹³Московские ведомости. 1798. № 99. С. 1918.

¹⁴[Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 7. СПб., 1900. С. 33.

¹⁵Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 5. С. 161.

¹⁶Там же. № 34. С. 1343.

¹⁷Цейхмейстер – должность генерала морской артиллерии, командовавшего береговой артиллерией (Смирнов А.А. Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого. М., 2006. С. 187).

¹⁸Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 95. С. 3968.

¹⁹Там же. 1801. № 6. С. 189.

²⁰Здесь и далее биографические сведения о Л.М. Яшвиле даются на основе следующих источников и публикаций: РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 64681, л. 1; Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. С. 288–289 (Формулярный список о службе Л.М. Яшвила 1834 г.); Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 3. Отд. 4. СПб., 1907. С. 133–136; *Меньшов Д.* Могилы участников Отечественной войны // Русский инвалид. 1912. № 178. С. 5; Русский биографический словарь. Т. Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 210; *Антелава И.Г.* Генералы Яшвиллы в Отечественной войне 1812 г. // Труды Сухумского государственного педагогического института. Кн. 5. Сухуми, 1949. С. 11–49; *он же.* Грузины в Отечественной войне 1812 г. Тбилиси, 1983. С. 51–72.

²¹Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 38. С. 1489.

Следовательно, к 11 марта 1801 г. Владимир Михайлович в чине генерал-майора состоял цейхмейстером флота, а Лев Михайлович был полковником 8-го артиллерийского полка. Зная чины и должности братьев, следует внимательно проанализировать мемуарные свидетельства, содержащие дополнительные сведения о Яшвиле – участнике убийства Павла I.

Пожалуй, самым важным источником информации о смерти императора являются записки Беннигсена, который был одним из активных участников заговора. Он писал, что 11 марта 1801 г. в спальню императора вошли офицеры, среди которых был «подполковник Яшвилл, брат артиллерийского генерала Яшвила»²². Из этой фразы следует, что рядом с Беннигсеном находился Лев Михайлович Яшвилл, который действительно был братом генерал-майора Владимира Михайловича. При этом Л.М. Яшвилл ошибочно назван подполковником, хотя в то время он уже имел чин полковника. Но, несмотря на эту неточность, приведённая Беннигсеном формула «Яшвилл – брат генерала» однозначно указывает на Льва Михайловича как участника убийства.

Рассказы Беннигсена о событиях 11 марта 1801 г. были положены в основу многих мемуарных свидетельств, в том числе и Э. фон Веделя. В его записках, опубликованных в Санкт-Петербурге в 1908 г., рассказывается, что Беннигсен, покидая спальню императора, приказал Яшвиллу охранять Павла I. Описывая убийство, Ведель отметил, что падение ширм привело императора в чувство и он «без умолку громким криком звал на помощь. Он с силою оттолкнул державшего его Яшвила и попытался вырваться. При этом они оба упали на землю. В это страшное мгновение гвардейский офицер Скаллерет (?) сорвал с себя шарф и обвил им шею императора, а Яшвилл крепко держал голого, с отчаяньем боровшегося императора». В своих записках Ведель пишет, что заговорщиком был «князь Яшвилл (брат того, который впоследствии был генералом)»²³. В данном случае можно предположить, что речь идёт о Владимире Михайловиче, так как его брат Лев стал генералом в 1808 г.

Вместе с тем в изданном в 1908 г. московском сборнике «Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г.» была опубликована анонимная работа «Правда об убийстве императора Павла I. По рассказу графа Беннигсена». По своей структуре, содержанию, описываемым деталям и сделанным акцентам это мемуарное свидетельство практически полностью идентично записке фон Веделя. Сходно и упоминание Яшвила: «князь Ашвилли (брат артиллерийского генерала)»²⁴. Но в этом случае мы вновь встречаем формулу Беннигсена – «брат генерала», которая указывает на Льва Михайловича как на участника заговора. Можно предположить, что в руках Санкт-петербургских и московских издателей были либо разные переводы записки, либо отличные списки, сделанные с одного и того же источника²⁵. Нельзя исключать и возможной редакторской правки, изменившей в угоду историографической традиции при публикации записку фон Веделя, формулу Беннигсена «Яшвилл – брат генерала» на противоположную.

²²Из записок графа Беннигсена // Царевубийство 11 марта 1801 г. С. 119.

²³Из записок майора Фон-Веделя об убийстве Павла I // Там же. С. 166, 168–169.

²⁴Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г. Ч. 2. М., 1908. С. 202.

²⁵Текст, идентичный запискам фон Веделя, встречается и в исследовании Т. Бернарди. Ср.: *Шиман Т., Брикнер А.* Смерть Павла Первого. М., 1909. С. 130.

Не обошёл молчанием фигуру Яшвиля и М.А. Фонвизин, составивший описание заговора по рассказам очевидцев. Он пишет, что удар, нанесённый Н. Zubовым в висок Павла I золотой табакеркой, стал сигналом, «по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горданов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним отчаянная борьба». Свои записки Фонвизин снабдил списком заговорщиков, который начинается словами: «Вот кто были лица, мне и всем в то время известные». Среди перечисленных людей можно увидеть и артиллериста — «полковника князя Яшвиля»²⁶. Это прямое и точное указание на участие в заговоре Льва Михайловича.

Косвенно на Льва Михайловича показывают ещё два мемуариста. Так, например, граф А.Ф. Ланжерон, записавший в 1826 г. рассказ Беннигсена, среди офицеров гвардии — участников заговора упоминает «князя Яшвиля из артиллерии»²⁷. Известный драматург, директор петербургского Императорского немецкого театра А.Ф. фон Коцебу, составивший записку об императоре Павле I и его смерти («по горячим следам») (основные сведения об убийстве он мог собрать в течение месяца, так как в апреле 1801 г. уже выехал за границу), пишет, что среди главнейших заговорщиков были «различные гвардейские офицеры, между прочим грузинский князь Яшвиль и Мансуров, оба незадолго перед тем выключенные из службы». Коцебу отмечает, что Яшвиль был очень пьян. Когда заговорщики вошли в комнату перед спальней, их встретили два вооружённых камер-гусара. «Один из них был поражён сабельным ударом, нанесённым ему Яшвилем, и упал наземь». В спальне императора, после того, как Павел I был повален на пол, «все ринулись на него. Яшвиль и Мансуров накиннули ему на шею шарф и начали душить»²⁸. Как видно, оба мемуариста пишут о том, что Яшвиль был гвардейским офицером. На самом деле к 11 марта 1801 г. ни один из братьев Яшвилей не служил в гвардии и не находился в отставке. Но, если Владимир Михайлович никогда не был офицером гвардии, то Лев Михайлович до своего назначения полковником в конный Богданова батальон служил капитаном в лейб-гвардии Артиллерийском батальоне более года (с 12 апреля 1799 г. до 5 мая 1800 г.).

О причастности Льва Михайловича к убийству Павла I можно судить и по «Автобиографическим запискам» А.О. Смирновой-Россет, составленным в 1870–1881 гг. Это видно из описания событий, относящихся к 1818 г. (Владимир Михайлович к тому времени уже умер): «Вскоре получилось известие, что князь Яшвиль приедет делать смотр 17-й конной артиллерии. Лицо Яшвиля было очень неприятное, что-то суровое и холодное, и он участвовал в страшном убийстве в Михайловском дворце»²⁹.

Иначе, чем вышеприведённые мемуаристы, определяет князя Яшвиля современник событий А.Н. Вельяминов-Зернов. Касаясь подготовки заговора, он пишет, что к нему привлекались военные и «преимущественно начальники частей», среди которых был «начальник конногвардейской артиллерии, полковник князь Владимир Яшвиль»³⁰. Вельяминов-Зернов называет Яшвиля по имени, но при этом указывает совершенно отличные от действительности должность и чин. Как указывалось выше, к началу 1801 г. в лейб-гвардии Артиллерийском

²⁶ Из записок Фонвизина // Царубийство 11 марта 1801 г. С. 157, 158, 166.

²⁷ Из записок графа Ланжерона // Там же. С. 142.

²⁸ Записки Августа Коцебу // Там же. С. 325, 333, 334, 337.

²⁹ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 116.

³⁰ Царубийство 11 марта 1801 г. С. 121; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 2. М., 1971. С. 37.

батальоне, состоявшем из пяти пеших и одной конной рот, Яшвилей не было. Раньше в гвардии служил лишь Лев Михайлович. Он же в период заговора в чине полковника состоял в конной артиллерии (8-й артиллерийский полк), но не являлся полковым командиром. Как видно, в записке оказались совмещены в одно целое имя Владимира Михайловича и служебное положение Льва Михайловича. При этом важно отметить, что по контексту записок для Вельяминова-Зернова была важна должность Яшвиля, которую он тщательно, хотя и с ошибками, прописал, а не его имя.

Д.В. Давыдов в записках «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове» кратко пересказывает ход событий 11 марта 1801 г. со слов А.М. Каховского, которому, «в свою очередь, рассказывали Беннигсен и Фок». При этом Давыдов пишет: «Во время умерщвления Павла князь Владимир Михайлович Яшвиль, человек весьма благородный, и Татаринов задушили его, для чего шарф был с себя снят и подан Яковом Фёдоровичем Скарятинным». Степень достоверности записок Давыдова о заговоре, как «свидетеля третьей степени», не может быть высока. Это подтверждается и серьёзными разночтениями приводимых им данных в сравнении с другими источниками³¹.

Оригинальную версию событий 11 марта 1801 г. передаёт в своих воспоминаниях, написанных со слов «товарищей и знакомых», М.П. Леонтьев. В его интерпретации Павел I принял предложение заговорщиков и согласился подписать отречение, «но в сие время свирепый генерал князь Юшвиль вскричал Zubову: “Князь, полно разговаривать! теперь он подпишет всё, что вы хотите, а завтра головы наши полетят на эшафоте!” — и с сими словами ударил государя табакеркой в висок»³². Как видно, автор прямо указывает, что участником заговора был генерал-майор Владимир Михайлович Яшвиль.

Таким образом, анализ рассмотренных выше воспоминаний показывает, что из десяти мемуаристов только два (Давыдов и Леонтьев) однозначно пишут об участии в убийстве Владимира Михайловича. При этом оба автора черпали свою информацию о заговоре из «вторых рук». Двойко представлен Яшвиль в воспоминаниях Вельяминова-Зернова. Особняком стоят воспоминания фон Веделя, который, основываясь на свидетельстве Беннигсена, изменяет использованную им формулу «Яшвиль — брат генерала». Из оставшихся шести мемуаристов четверо (непосредственный участник событий Беннигсен, Фонвизин, близкий к фон Веделю аноним, Смирнова-Россет) прямо и два (Коцебу, Ланжерон) косвенно называют участником заговора Льва Михайловича Яшвиля. Внимательное прочтение воспоминаний, содержащих информацию о заговоре против Павла I, показало, что большинство мемуаристов указывает на то, что в убийстве императора непосредственное участие принимал не Владимир, как это традиционно считается, а Лев Яшвиль.

Сложившееся в отечественной историографии мнение об участии в заговоре против Павла I Владимира Михайловича в своих истоках, по всей видимости, связано с именем А.Б. Лобанова-Ростовского. В 1877 г. известный историк подготовил к изданию мемуары Коцебу, которые впервые были опубликованы в количестве шести экземпляров только в 1900 г.³³ В дополнительных

³¹ Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 475, 476, 576.

³² Леонтьев М.П. Мои воспоминания или события в моей жизни // Русский архив. 1913. № 9. С. 321, 324.

³³ Сапожников А.И. С.И. Панчулидзева и его сочинение «11 марта 1801 г.» // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. СПб., 1994. С. 48.

примечаниях к записке Коцебу Лобанов-Ростовский приводит краткие биографические сведения о причастных к заговору лицах. При этом он, называя участником событий 11 марта 1801 г. Владимира Михайловича, приписывает ему чины и место службы Льва Михайловича. После чего пишет, что у Владимира Михайловича был старший брат – Лев, и в свою очередь даёт ему почти в полном объёме служебные характеристики Владимира³⁴. При этом все данные о службе совершенно точны. Эта ошибка, заложившая основу традиционного отождествления участника заговора с Владимиром Михайловичем, появилась, видимо, вследствие знакомства Лобанова-Ростовского с воспоминаниями Давыдова, опубликованными за границей в 1863 г. и Вельяминова-Зернова, которые он сам и обнаружил в одном из иностранных архивов³⁵. Не имея возможности тщательно проанализировать источник, историк пошёл за мемуарной версией, поменяв для этого места биографии братьев Яшвилей.

Подобная тенденция, связанная с добавлением в сведения о жизни Владимира Михайловича данных о службе Льва Михайловича в 1800–1801 гг., сохранилась на протяжении всего последующего времени. В статье профессора Берлинского университета Шимана речь идёт о «полковнике князе Владимире Яшвиле из конно-гвардейской артиллерии»³⁶. «Русский биографический словарь» утверждает, что Владимир Михайлович «в 1800 г., будучи капитаном гвардейской артиллерии... был переведён, с чином полковника, в конный батальон Богданова 2-го»³⁷. Эйдельман пишет о Владимире Михайловиче как о полковнике³⁸.

Такое устойчивое желание произвести Владимира Михайловича в полковники 8-го артиллерийского полка (сформированного из конного Богданова-батальона) связано, вероятно, с тем, что эта часть в 1800–1801 гг. квартировала в Санкт-Петербурге³⁹, и тем самым не могло возникнуть сомнения в способности Яшвиля участвовать в заговоре. В этом случае предположительно может быть объяснён и мотив выступления против императора, которым стала личная месть. В своих записках Гейкинг свидетельствует, что его уверяли, будто Павел I в запальчивости побил Яшвиля⁴⁰. Это происшествие косвенным образом находит подтверждение и в воспоминаниях Н.А. Саблукова, когда он даёт характеристику императора. «Однажды, впрочем, – пишет Саблуков, – на одном параде он так разгорячился, что ударил трёх офицеров тростью и, увя, жестоко заплатил за это в последние минуты своей жизни»⁴¹.

На самом деле полковником 8-го артиллерийского полка был Лев Михайлович, к которому можно отнести все эти обоснования участия в заговоре против императора. Правда, справедливости ради следует сказать, что конная рота полковника князя Яшвиля 8-го артиллерийского полка в январе 1801 г. находилась в городе Вендене в Лифляндии⁴². Однако неизвестно, когда она вернулась в Санкт-Петербург, и был ли при ней сам полковник Яшвиль. В то же время

³⁴ Царсубийство 11 марта 1801. С. 370–371.

³⁵ Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензура не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 3. М., 1971. С. 104.

³⁶ Шиман Т., Брикнер А. Указ. соч. С. 29.

³⁷ Русский биографический словарь. Т. Яблоновский – Фомин. СПб., 1913. С. 210.

³⁸ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 323.

³⁹ Санкт-Петербургский адрес-календарь. СПб., 1800. С. 34; СПб., 1801. С. 43.

⁴⁰ Записки барона Гейкинга. С. 247.

⁴¹ Записки Н.А. Саблукова // Царсубийство 11 марта 1801 г. С. 58.

⁴² РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 102, л. 730.

доказать присутствие Владимира Михайловича в Санкт-Петербурге в период подготовки и осуществления заговора непросто. До 13 ноября 1800 г., когда последовал приказ о производстве Владимира Михайловича в генерал-майоры, он служил в 6-м артиллерийском полку (сформированном из артиллерийских батальонов Булыгина и Багурина), который не квартировал в Санкт-Петербурге. Его фамилия не встречается среди военных чиновников в «Санкт-Петербургском адрес-календаре» за 1800 и 1801 гг. По всей видимости, исполняя должность цейхмейстера, Владимир Михайлович находился в одном из портовых городов на побережье Балтийского моря. Будучи с 13 января 1801 г. в отпуске, он, по сведениям, публиковавшимся в «Санкт-Петербургских ведомостях», не выезжал из столицы. Это ещё раз подтверждает то, что В.М. Яшвиль не служил в Санкт-Петербурге. Вместе с тем известно, что по окончании отпуска он выехал из Москвы в период с 8 по 12 февраля 1801 г. в Санкт-Петербург⁴³, откуда должен был в назначенный срок вернуться к месту своей службы. Своевременное прибытие из отпуска, который давался Высочайшим приказом, являлось обязательным условием беспорочного прохождения службы. Поэтому у Владимира Михайловича, состоявшего в должности цейхмейстера, не было оснований находиться в марте 1801 г. в столице. Следовательно, исходя из имеющихся в нашем распоряжении сведений, нельзя по месту службы объяснить причастность Владимира Михайловича к заговору против Павла I, в то же время вероятность участия Льва Яшвиля в убийстве императора получает дополнительное обоснование.

Вместе с тем приходится констатировать, что в мемуарной литературе имеется определённая тенденция, послужившая основанием для историографической традиции отождествления Владимира Михайловича с участником заговора. Появление её, по всей видимости, было связано с тем, как сложились после смерти Павла I судьбы братьев Яшвилей.

Вступив на престол, Александр I подписал 16 марта 1801 г. приказ, которым флота-цейхмейстер Владимир Михайлович Яшвиль был переведён в лейб-гвардии Артиллерийский батальон генерал-майором⁴⁴. 27 августа 1801 г. артиллерийские полки были разделены на батальоны, и Владимир Михайлович получил назначение шефом 10-го батальона, расположенного в Херсоне⁴⁵.

В период подготовки коронационных торжеств в Москве инспектор артиллерии А.И. Корсаков сообщил 12 июля 1801 г. московскому военному губернатору графу П.П. Салтыкову фамилии артиллерийских генералов и офицеров, которые должны были прибыть на коронацию. Среди них назван и генерал-майор князь Яшвиль⁴⁶. Однако ему не суждено было присутствовать на этих торжествах 15 сентября 1801 г. Согласно собственноручной приписке Салтыкова к отношению, адресованному министру внутренних дел графу В.П. Кочубею от 23 марта 1803 г., ему было дано «повеление Яшвиля и полковника Татаринова выслав из Москвы в Высочайшем присутствии во время коронации»⁴⁷. Упоминание фамилий двух известных по мемуарным свидетельствам участников заговора против Павла I позволяет говорить о том, что к сентябрю

⁴³ Московские ведомости. 1801. № 13. С. 310.

⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 26. С. 990; Московские ведомости. 1801. № 26. С. 623.

⁴⁵ Московские ведомости. 1801. № 68. С. 1624.

⁴⁶ ЦИАМ, ф. 16, оп. 226, д. 386, л. 122, 124.

⁴⁷ Там же, оп. 3, д. 270, л. 8 об.

1801 г. Александр I получил информацию об их активном участии в убийстве его отца. При этом под подозрением оказался именно Владимир Михайлович Яшвил, а не его брат. Следует ещё раз подчеркнуть, что официально никаких расследований по этому делу не проводилось, и более того, обстоятельства гибели Павла I держались в тайне. Поэтому Александр I черпал информацию от близких к нему людей и, конечно, не от непосредственных участников заговора. Князь А. Чарторыйский, входивший в дружеский круг императора, утверждал: «Что касается ближайших участников убийства, то имена их долгое время были ему неизвестны, и он узнал их только через несколько лет»⁴⁸. Следовательно, факт признания императором Александром I В.М. Яшвиля участником заговора не может являться доказательством его причастности к убийству. Однако недопущение генерал-майора Яшвиля к коронации и последующая ссылка под надзор полиции стали для некоторых современников основанием для отнесения Владимира Михайловича к числу заговорщиков. Впоследствии эта мемуарная тенденция, получившая наиболее полное отражение в воспоминаниях «свидетелей третьей степени», переросла в историографическую традицию.

Недоверие, выраженное Александром I В.М. Яшвилю, заставило последнего подать прошение об отставке, которое было удовлетворено Высочайшим приказом от 13 октября 1801 г. Но на этом постигшая Владимира Михайловича опала не закончилась. Из сохранившегося в фонде Особенной канцелярии Министерства внутренних дел ГА РФ «Алфавита секретным делам, переданным из Канцелярии Санкт-Петербургского военного губернатора и от Особенной канцелярии министра полиции, производившимся с 1797 г.», видно, что 17 декабря 1802 г. было начато дело «О генерал-майоре князе Яшвиле»⁴⁹. Эти следственные материалы, попавшие вместе с другими документами в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, были утрачены ещё до 1846 г.⁵⁰, и ознакомиться с содержанием секретного дела на сегодняшний день не представляется возможным. Однако его отголоски дошли до нас в переписке о князе Яшвиле, которая велась между министром внутренних дел Кочубеем, московским военным губернатором Салтыковым и калужским гражданским губернатором А.Л. Львовым.

10 марта 1803 г. Кочубей сообщил Салтыкову, что император выразил неудовольствие частыми посещениями Москвы генерал-майором Яшвилем. В связи с этим министр внутренних дел уведомил военного губернатора о получении Высочайшего повеления «сообщить Вашему сиятельству, чтоб запретить ему таковые приезды, подтвердили ему, чтоб он в столицах не являлся, а чтоб жил в деревне»⁵¹. Получив это распоряжение, Салтыков предписал 15 октября московскому обер-полицмейстеру выяснить, когда и где жил Яшвил в Москве. В ответ 18 октября обер-полицмейстер сообщил, что «означенный князь Яшвилд 1802 г. в феврале месяце находился в Москве и жительство имел в Сретенской части в доме г[осподина] Крокова и в том же феврале месяце переехал в Басманную часть в наёмную квартиру, а оттуда того ж 1802 г. в апреле месяце уехал в деревню, состоящую в Калужской губернии и уезде в село Муромцево расстоянием

от Калуги в 20 вёрст, из которой и по сие время в Москву не въезжал»⁵². Получив эти сведения, Салтыков направил 23 марта 1803 г. отношение калужскому губернатору с указанием Высочайшей воли о запрещении Яшвилю приезжать в столицы, а жить в деревне под наблюдением губернатора⁵³. В тот же день Салтыков сообщил Кочубею о своих действиях, подчеркнув особо, что «о не въезде ему (В.М. Яшвилю. — В.Б.) в Москву я доселе ниоткуда повеления не имел», кроме того, что Яшвилю запрещалось быть в Москве во время коронации⁵⁴.

Как видно, Владимир Михайлович не был сразу сослан под надзор полиции. Первоначально, к сентябрю 1801 г., император запретил ему находиться в первопрестольной во время своей коронации. После этого, надо полагать, никаких специальных распоряжений о Яшвиле сделано не было и он, выйдя в отставку, продолжал ездить в Москву без каких-либо ограничений. Но император, узнав об этом, решил довести дело до конца и через министра внутренних дел в 1803 г. официально запретил Яшвилю въезжать в столицы, сослав его на жительство в деревню под надзор полиции. Из этого следует, что только в 1803 г. отставной генерал-майор Яшвил подвергся наказанию, и то произошло это во многом случайно. Если бы его визиты в Москву не попали в поле зрения императора, то жизнь его, возможно, сложилась бы иначе. При этом отношение Александра I к В.М. Яшвилю показывало, что и в 1803 г. он продолжал считать его заговорщиком.

В конечном счёте, Высочайшая воля была доведена до сведения В.М. Яшвиля, который по этому поводу собственноручно написал записку, до сегодняшнего дня хранящуюся в Государственном архиве Калужской области, в фонде гражданского губернатора: «1803 году апреля 9 числа дал сию подписку перемышльскому земскому исправнику г[осподину] майору Даниле Фёдорову Филатову по объявленному от него мне ордеру не въезжать столичные города в чём и подписуюсь, генерал-майор князь Владимир Ешвил»⁵⁵.

С этого момента Владимир Михайлович оказался под надзором полиции в сельце Еремеевском, Муромцево тож, Перемышльского уезда Калужской губернии, которое в документах конца XVIII — начала XIX в. называли также селом Еремеевским и Муромцевым⁵⁶. Такое различие связано было, видимо, с тем, что между сельцом Еремеевским и селом Варнавино, где располагалась церковь Николая Чудотворца, было всего полверсты. Следует отметить, что в исповедных ведомостях этой церкви фамилия Яшвиля, как проживавшего в сельце Еремеевском, появляется только с 1806 г.⁵⁷ Само сельцо Еремеевское к 1803 г. находилось во владении жены Яшвиля — Варвары Александровны, урождённой Сухово-Кобылиной⁵⁸. На отсутствие у Владимира Михайловича в

⁵² Там же, л. 7.

⁵³ Там же, л. 9; ГА КО, ф. 32, оп. 19, д. 133, л. 1.

⁵⁴ ЦИАМ, ф. 16, оп. 3, д. 270, л. 8.

⁵⁵ ГА КО, ф. 32, оп. 19, д. 133, л. 4.

⁵⁶ Там же, ф. 66, оп. 1, д. 282, л. 232 об.—233; ф. 261, оп. 1, д. 799, л. 1; д. 885, л. 1.

⁵⁷ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 1332, л. 1 (1806 г.); д. 1448, л. 1 (1807 г.); ф. 261, оп. 1, д. 1171, л. 78 (1808 г.); д. 1192, л. 45 (1809 г.); д. 1215, л. 43 (1811 г.); д. 1339, л. 41 (1813 г.); д. 1365, л. 13 (1814 г.).

⁵⁸ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 1332, 1448; ф. 261, оп. 1, д. 1115, 1171, 1192, 1215, 1339, 1365. Данные о владельцах сельца Еремеевское получены на основе метрических и исповедных ведомостей, так как других источников о владельческой принадлежности сельца выявить не удалось. В исповедной ведомости за 1803 г. владельцем сельца Еремеевского показан В.М. Яшвил, но, вероятно, это ошибка, так как в метрической книге за тот же год говорится о людях вотчины В.А. Яшвил. Ср.: ГА КО, ф. 261, оп. 2, д. 215; оп. 3, д. 59.

⁴⁸ Записки князя Адама Чарторыйского // Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 239.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 636, л. 165.

⁵⁰ Там же, д. 642; *Сидорова М.В.* Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX вв. (III Отделение с.е.и.в. канцелярии и Департамента полиции МВД). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 9.

⁵¹ ЦИАМ, ф. 16, оп. 3, д. 270, л. 1.

Калужской губернии имений указывает «Список наряженных с помещичьих и владельческих душ кованных и пеших воинов во внутреннее ополчение 1812 г.», в котором среди владельцев показана только его жена⁵⁹.

Появление Яшвиля в Калужской губернии связывают ещё с одним документом, который нередко используется в качестве доказательства традиционного мнения о причастности Владимира Михайловича к событиям 11 марта 1801 г. Речь идёт о хорошо известном в историографии письме князя Яшвиля Александру I. Содержание этого письма дошло до нас в двух списках, составленных примерно во второй половине XIX – начале XX в. Эти документы хранятся в фонде Н.К. Шильдера Российской Национальной библиотеки и собрании рукописей Зимнего дворца ГА РФ⁶⁰. Впервые копия письма из архива Шильдера была опубликована с сокращениями в журнале «Русская старина»⁶¹. Этот же опубликованный текст документа использовал в своих работах о В.М. Яшвиле его биограф И.Г. Антелавы⁶². Полностью список письма, хранящегося в фонде Шильдера, был опубликован Эйдельманом в монографии «Герцен против самодержавия»⁶³. Все эти публикации имеют незначительные разночтения с архивным документом. Другой вариант письма, близкий к сохранившейся в ГА РФ копии, опубликовал в своей книге великий князь Николай Михайлович⁶⁴. Ещё в 1909 г. этот список пытался использовать в своей работе, посвящённой истории гвардейской конной артиллерии, капитан Борисевич, которому было «безусловно воспрещено» воспользоваться обнаруженным документом⁶⁵. Наиболее полной из известных является копия, сохранившаяся в архиве Шильдера. Именно её содержание и использовалось историками для обоснования причастности Владимира Михайловича Яшвиля к заговору 11 марта 1801 г.

Недатированное обращение Яшвиля к императору Антелавы относит к началу 1803 г., когда Владимир Михайлович был отправлен под надзор в Калужскую губернию. Исследователь строит своё предположение на фразе из письма «удаляюсь в свою деревню»⁶⁶. Однако такое объяснение трудно принять. В Калужской губернии, куда был отправлен на жительство Яшвиль, у него не было владений, а годы опалы он провёл в имении жены – сельце Еремеевском. Кроме того, в письме есть другие слова, неизвестные Антелаве по сокращённым публикациям: «И как в настоящую минуту осталось одно средство – убийство, мы за него взяли». По этому выражению, письмо может быть датировано временем, очень близким к событиям 11 марта 1801 г. Но если принять во внимание слова об отъезде в деревню, то можно предположить, что Владимир Михайлович писал императору уже после своей отставки, последовавшей 13 октября 1801 г. Раньше этой даты он не мог по своему произволу, без Высочайшего

⁵⁹ Булычев Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. Калуга, 1910. Приложение. С. 59.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 859.22.14, л. 26, 27; ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 693, л. 1–2.

⁶¹ Письмо князя Яшвиля к императору Александру I // Русская старина. 1909. № 1. С. 212.

⁶² Антелавы И.Г. Генералы Яшвиля в Отечественной войне 1812 г. С. 4; *он же*. Грузины в Отечественной войне 1812 г. С. 45–46.

⁶³ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М., 1984. С. 122.

⁶⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 17.

⁶⁵ РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 20, л. 46–49. В этом деле находится копия со списка, хранящегося в ГА РФ.

⁶⁶ Антелавы И.Г. Генералы Яшвиля в Отечественной войне 1812 г. С. 5; *он же*. Грузины в Отечественной войне 1812 г. С. 46.

дозволения, демонстративно оставить службу и уехать в деревню. Следует также заметить, что обе приведённые выше «датирующие» фразы отсутствуют в другом списке письма.

Основываясь на полученной по «списку Шильдера» дате, можно утверждать, что письмо Яшвиля не могло стать причиной его опалы, так как Владимир Михайлович впал в немилость раньше, ещё к сентябрю 1801 г. Факты говорят о том, что после отставки и отъезда в деревню, как обещал Яшвиль императору, он не удалился, а продолжал время от времени жить в Москве, пока сам Александр I не определил его под надзор полиции. Как видно, текст письма во многом вступает в противоречие с биографией В.М. Яшвиля и дата его написания никак не укладывается в последовательность событий его жизни.

Однако именно упоминание об отъезде в деревню послужило основанием связать авторство письма с Владимиром Михайловичем, хотя все списки озаглавлены как письмо князя Яшвиля к Александру I, без дополнительных указаний на то, о каком из братьев идёт речь. Но в любом случае получается, что это обличающее монархию письмо никому из них не принесло дополнительных неприятностей (Владимир Михайлович уже попал в опалу до своей отставки, а Лев продолжал службу)⁶⁷. Кроме того, совершенно не понятна цель этого письма, в котором в жёсткой форме крикуются монархический строй и российские императоры, а действия заговорщиков возвеличиваются и оправдываются благой целью – борьбой с самодержавием. Такая политическая декларация кажется совершенно бессмысленной, и, кроме царской немилости, она ничего принести автору не могла. Попытка связать письмо с конституционными идеями Яшвиля, сделанная Антелавой, малоубедительна, потому что в письме, кроме антимонархического пафоса, нет никаких конституционных предложений.

Все эти противоречия позволяют высказать предположение о подложности письма, адресованного князем Яшвилем Александру I⁶⁸. В пользу фальсификации говорит и сохранившееся в РГАДА подлинное письмо Владимира Михайловича к императору Павлу I, написанное 18 марта 1797 г.⁶⁹ В нём Яшвиль просил монаршей милости для себя и своего брата. Письмо отличает наличие характерных для XVIII в. витиеватых оборотов, а главное, демонстрирует неумение Владимира Михайловича ясно выразить свою мысль. Даже поверхностное сравнение стиля, формы изложения и способа передачи информации позволяет усомниться в том, что автором рассматриваемых писем было одно и то же лицо.

Несоответствия видны с первых строк: «Августейший монарх! Государь всемилостивейший! – пишет В.М. Яшвиль Павлу I, – неупустительная Вашего величества попечительность о благе сынов отечества казалась бы довольною обеспечить каждого и остановить притекающих, чтоб щадить важнейшие минуты толь обременительного государя»⁷⁰. В письме к Александру I по смыслу и

⁶⁷ Сомнения в том, что Александр I получал письмо Яшвиля, высказывает и великий князь Николай Михайлович (Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 17, 18).

⁶⁸ По сведениям вел. кн. Николая Михайловича, копия письма хранилась у потомков Яшвиля (Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 17). Возможно, в этом кругу и следует искать автора мистификации.

⁶⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 64683, л. 3.

⁷⁰ Там же, д. 64681, л. 1.

содержанию мы видим совершенно иные слова: «Государь, с той минуты, когда несчастный безумец, Ваш отец, вступил на престол, я решился пожертвовать собой, если нужно будет, для блага России, несчастной России»⁷¹. Показательны и обращения к императору в этих письмах. Павлу I, у которого Владимир Михайлович просит монаршей милости, он пишет «Ваше величество» и «ты», а в бестактном письме к Александру I, где эти формы отсутствуют, мы видим лишь вежливое «Вы».

Судя по содержанию, письмо Яшвиля могло быть фальсифицировано во второй половине XIX в. Целью подлога, вероятно, было желание вложить в уста цареубийцы обличительную речь, направленную против самодержавия и оправдывающую борьбу с ним. О событиях 11 марта 1801 г. и его участниках уже тогда можно было узнать из литературы, публиковавшейся за границей. При этом среди исполнителей заговора фигурировала и фамилия Яшвиля. Так, например, Розенцвейг в своей книге «Тайные истории и загадочные личности», изданной в Лейпциге в 1850 г., пишет: «Для будущих поколений останутся памятны имена графа Николая Зубова, генерала Чичерина, Мансурова, Татаринова и Яшвиля, как главных виновников катастрофы»⁷².

Можно предположить, что первоначально в списках ходило письмо, близкое по содержанию к рукописи, сохранившейся в ГА РФ. После опубликования в 1881 г. переписки М.И. Кутузова и Александра I по поводу принятия Владимира Михайловича в Калужское ополчение⁷³, подложное письмо Яшвиля могло быть дополнено новыми деталями. При этом фальсификатору не было известно, когда именно Яшвиль был выслан под надзор. Вероятно, поэтому в письме между собой оказались связаны события 11 марта 1801 г. и отправленные Яшвиля в деревню. Следовательно, письмо Яшвиля к Александру I нельзя рассматривать как исторический источник, и все попытки использовать его для доказательства причастности Владимира Михайловича к заговору не могут быть признаны обоснованными.

После официального запрещения выезжать в столицы Владимир Михайлович большую часть времени проводил в сельце Еремеевском, но иногда, с разрешения губернатора, он приезжал и в губернский город. Так, уже 10 августа 1803 г. В.М. Яшвиль просил калужского губернатора о личной встрече и, получив на это согласие, 21 августа покинул имение. А 29 августа губернатор направил ордер перемышльскому земскому исправнику о том, что Яшвиль выехал из Калуги к месту своего жительства и требовал возобновить за ним наблюдение. Ездил Яшвиль в Калугу и в сентябре 1803 г.⁷⁴ Но специальное разрешение посещать по необходимости губернский город Владимир Михайлович получил только 3 января 1812 г., когда министр полиции сообщил о последовавшем по этому вопросу Высочайшем решении калужскому губернатору. При этом особо указывалось, чтобы губернатор «обращал особенное внимание и надзор на поступки его (В.М. Яшвиля. — В.Б.)»⁷⁵.

В ходе Отечественной войны 1812 г., когда театр военных действий приблизился к Калужской губернии, семья Яшвиля покинула имение и переехала в Пензу. Примерно в августе 1812 г. Варвара Александровна написала письмо

⁷¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 693, л. 1.

⁷² Цит. по: Шиман Т., Брикнер А. Указ. соч. С. 132.

⁷³ Князь Яшвиль // Русская старина. 1881. № 11. С. 665–666.

⁷⁴ ГА КО, ф. 32, оп. 19, д. 133, л. 21, 23, 28.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1; д. 173, л. 11.

министру полиции А.Д. Балашову с просьбой исходатайствовать у императора разрешение об отправлении в Пензу и её мужа. 6 сентября последовало Высочайшее дозволение о переезде Яшвиля в Пензу и учреждении за ним полицейского надзора⁷⁶. Соответствующие распоряжения были направлены 11 сентября Пензенскому и Калужскому губернаторам⁷⁷, но Владимиру Михайловичу воспользоваться этим дозволением не удалось.

30 августа 1812 г. командующий войсками в Калужской губернии В.Ф. Шепелев направил Кутузову рапорт с просьбой принять находившегося под надзором отставного генерал-майора Яшвиля в ополчение⁷⁸. 17 сентября главнокомандующий разрешил Владимиру Михайловичу вступить в службу, и 20 сентября Шепелев сообщил это распоряжение калужскому губернатору П.Н. Каверину⁷⁹. Последний 23 сентября уведомил министра полиции о снятии надзора с Яшвиля на основании решения Кутузова, чьи распоряжения он был обязан выполнять беспрекословно, и сообщил главнокомандующему о своих действиях⁸⁰. Через три дня, 26 сентября, Кутузов направил рапорт Александру I с объяснением своего решения о назначении Яшвиля в ополчение. В своём оправдании главнокомандующий писал, что ему не было известно о полицейском надзоре, установленном над отставным генерал-майором⁸¹.

В этом случае Кутузов говорил неправду. О положении Яшвиля главнокомандующий знал. Несмотря на указание Шепелева о том, что Владимир Михайлович находится под полицейским надзором, Кутузов разрешил последнему вступить в ополчение. После предупреждения Каверина главнокомандующий не только не изменил своего решения, но даже не воспротивился назначению отставного генерал-майора начальником отряда и в рапорте императору пытался доказать необходимость использования его в ополчении. Поведение Кутузова вызвало негодование Александра I. 3 октября 1812 г. он отправил главнокомандующему рескрипт, в котором сделал резкий выговор за принятие Яшвиля в Калужское ополчение и предписал выслать его в Симбирск. На обложке отпуска он написал «какое канальство»⁸², видимо, обвинял Кутузова в мошенничестве за попытку ввести императора в заблуждение, искажая действительность. В таком контексте фраза «Вы употребили на службу находящегося в ссылке известного Яшвиля, невзирая даже на донесение, которым губернатор известил Вас, что он под присмотром»⁸³, указывает на то, что Кутузов был знаком с положением Владимира Михайловича в губернии и, вероятно, знал причину его опалы. Но больше всего возмутило императора то, что главнокомандующий по своему усмотрению распорядился судьбой Яшвиля, высланного по Высочайшему повелению под надзор полиции, превысив тем самым свои полномочия.

Пока решалась судьба Владимира Михайловича, он принял живейшее участие в боевых действиях в Смоленской губернии и покрыл себя славой спасителя города Ельни. Ему, как боевому генералу, был поручен в командо-

⁷⁶ Там же, л. 4.

⁷⁷ Там же, л. 1–2.

⁷⁸ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 122; Антеева И.Г. Генералы Яшвиля в Отечественной войне 1812 г. С. 7; он же. Грузины в Отечественной войне 1812 г. С. 47.

⁷⁹ ГА КО, ф. 32, оп. 19, д. 133, л. 47–48.

⁸⁰ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 173, л. 9, 11.

⁸¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 386–387.

⁸² Князь Яшвиль // Русская старина. 1881. № 11. С. 666.

⁸³ Там же.

вание отряд для занятия Ельни и наведения там порядка из прикрывавшего Брянск «корпуса» Шепелева. Направленный к Ельне отряд Яшвиля насчитывал 2 122 человека и состоял из двух казачьих полков Андриянова 1-го и 3-го (1 тыс. человек), 2-го батальона 3-го егерского полка (442 человека), одного батальона ополчения (вероятно, 1-го пешего полка) с четырьмя орудиями легкой роты № 61. Для восстановления порядка в Ельнинский уезд была направлена почти половина «корпуса». Примерно 47% отряда составляли иррегулярные части и четверть – регулярные войска с артиллерией. Можно предположить, что, командирова такие значительные силы к Ельне, генерал Шепелев надеялся на успех. Однако в отличие от обычных противников – партий мародёров и фуражиров – войскам Яшвиля пришлось столкнуться с регулярными частями неприятельской армии – дивизией графа Л. Барагэ д'Ильбера численностью около 5 тыс. человек. Она была составлена по приказу Наполеона в октябре 1812 г. для обеспечения дороги от Смоленска к Ельне. Дивизия должна была состоять из трёх маршевых полубригад, полка кавалерии и не менее шести орудий артиллерии. Выполняя приказ Наполеона, в десятых числах октября дивизия Барагэ д'Ильбера под командованием бригадного генерала барона Ж.П. Ожеро заняла Ельню.

14 октября на подходе к Ельне части из отряда Яшвиля столкнулись с войсками противника. В результате встречного боя, проходившего с применением артиллерии и кавалерии, неприятель отступил в Ельню, а отряд Яшвиля отошёл на семь-восемь вёрст от города. Не имея сил выбить численно превосходящего противника, Яшвиль блокировал его в Ельне, устроив пикеты и казачьи разъезды. Эффективность выбранной тактики обеспечивалась наличием в отряде значительного числа казаков. В последующие дни к отряду Яшвиля прибыли подкрепления, и его численность возросла примерно до 3 500 человек. Однако и с этими силами Яшвиль уступал Барагэ д'Ильберу. Он был вынужден ограничиваться пассивной блокадой, пресекая попытки выхода противника на фуражировки в окрестности города. 20 октября под Ельней произошёл крупный бой. Войска Барагэ д'Ильбера с кавалерией и артиллерией вышли из города, оттеснили пикеты и вынудили Яшвиля занять оборонительную позицию при деревне Пронино (примерно в десяти верстах восточнее Ельни). Приведя войска в боевой порядок, Яшвиль начал наступление на закрепившегося в сельце Михелевке противника и через 2 часа вынудил его вернуться в Ельню. После этого боя Яшвиль принял решение ещё больше усилить свой отряд и предписал командиру 4-го пешего полка Калужского ополчения прибыть к нему. Эти части прибыли к Ельне 23 октября, а 24 числа в 3 часа ночи дивизия Барагэ д'Ильбера оставила город. Узнав об этом, Яшвиль организовал преследование противника: казаки следовали за ним 20 вёрст⁸⁴.

29 октября 1812 г. В.М. Яшвиллю был преподнесён адрес от имени «ельнинского дворянства предводителя, городничего, членов земской полиции и всего находящегося в наличности дворянства». В нём выражалась «чувствительная» благодарность Владимиру Михайловичу за спасение Ельни. В адресе особо подчёркивалось, что «трудами и попечением Вашего сиятельства город Ельня и

⁸⁴ Бессонов В.А. «Корпус» генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22–23 октября 2004 г. Малоярославец, 2005. С. 110–127; Понов А.И. Дело при Ляхово. М., 2000. С. 5–13.

оного уезд, освободясь от неприятельских войск, получил прежнее существование»⁸⁵. Но эти заслуги Яшвиля никак не отразились на его дальнейшей судьбе.

Не смог оказать Владимиру Михайловичу помощь и явно покровительствовавший ему Кутузов. Предполагая, что император не одобрит его решения, главнокомандующий распорядился зачислить Яшвиля в ополчение и не отметил его назначения начальником отряда, направленного на прикрытие Брянска, считая, видимо, что отличия в боевых действиях позволят добиться монаршей милости. Поэтому он не торопился возвращать отставного генерал-майора в прежнее состояние. Лишь получив рескрипт Александра, в котором предписывалось отправить Яшвиля в Симбирск, он отстранил его от службы, доложив об этом 31 октября императору⁸⁶. Но и в этом случае Кутузов пошёл наперекор Высочайшему повелению. В отношении дежурного генерала П.П. Коновницына к Каверину от 2 ноября 1812 г. указывалось, что Яшвиль по болезни возвращается на прежнее место жительства, и по воле императора за ним должен быть восстановлен надзор⁸⁷. Однако, несмотря на покровительство Кутузова, Владимир Михайлович 21 января 1813 г.⁸⁸ по предписанию министра полиции калужскому губернатору⁸⁹ оказался в Симбирске, откуда по просьбе его жены⁹⁰ 9 июля 1813 г. вернулся в Калужскую губернию⁹¹.

Здесь 27 июня 1815 г. Яшвиль скончался. В метрической книге церкви Николая Чудотворца в селе Варнавино сказано, что он умер от неизвестной болезни и был похоронен «при сей церкви»⁹². Однако через какое-то время тело Владимира Михайловича перенесли в Оптиную пустынь Козельского уезда и захоронили на территории монастыря. На новой могиле был установлен гранитный памятник, средняя, выполненная в форме куба, часть которого сохранилась до наших дней. На трёх гранях памятника были выбиты надписи, рассказывавшие грядущим поколениям о жизни этого человека: «Здесь покоится прах в Бозе почивающего артиллерии генерал-майора и кавалера Владимира Михайловича Яшвиля, родившегося в 1764 году июля 15 дня, скончался 1815 года июня в 27 день, жил 50 лет и 11 месяцев и 12 дней»⁹³ и «Господи,

⁸⁵ Смоленская старина. 1812–1912. Вып. 2. Смоленск, 1912. С. 61–62.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 173, л. 8.

⁸⁸ Там же, л. 5.

⁸⁹ Там же, л. 14.

⁹⁰ РГВИА, ф. 9194, оп. 1/184, св. 1, д. 3.

⁹¹ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 173, л. 15.

⁹² ГА КО, ф. 261, оп. 1, д. 1389, л. 63.

⁹³ В 1909 г. по указу императора повсеместно собирались сведения о некрополях, которые должны были доставляться известному историку великому князю Николаю Михайловичу. 22 января 1909 г. предписание об описании памятников было направлено из Калужской духовной консистории настоятелю Оптиной пустыни. На основании этого был составлен «Список лиц, погребённых в козельской Введенской Оптиной пустыни Калужской епархии с точным обозначением надгробных надписей» (ОР РГБ, ф. 213, оп. 11, д. 6, л. 1, 5–110. Материалы из этого дела были любезно предоставлены мне монахом Оптиной пустыни Платоном). Среди этих лиц оказался и В.М. Яшвиль, могилой которого великий князь интересовался особо. Ещё 25 октября 1909 г. от него поступила просьба скопировать имевшиеся на могиле Яшвиля надписи (Там же, л. 3). При этом в сделанные записи вкралась ошибка с обозначением месяца смерти Владимира Михайловича. Вместо июня был указан июль. Эта неточность была зафиксирована в «Списке лиц, погребённых в козельской Введенской Оптиной пустыни...» (Там же, л. 12 об.–13) и в краткой биографии В.М. Яшвиля, изданной великим князем (см.: Русские портреты XVIII и XIX столетий / Издание великого князя Николая Михайловича. Т. 5. СПб., 1909. № 200. В этой публикации неправильно была названа и дата смерти: вместо 27 июня – 20 июня).

прими дух мой с миром». Последней была выбита трогательная эпитафия: «Он счастьем в мире сем душевным наслаждался, // Семейству верным другом был, // Спокойный совестью с сей жизнью расстался, // И в мир бессмертия с надеждой воспарил».

В отличие от старшего брата, Лев Михайлович Яшвиль после смерти Павла I успешно продолжал свою службу. 21 марта 1801 г. он был переведён в лейб-гвардии Артиллерийский батальон, а 17 июня 1803 г. – в 1-й конно-артиллерийский батальон. При переформировании артиллерийских частей 23 августа 1806 г. Лев Михайлович был зачислен в 4-ю артиллерийскую бригаду, участвовал в войнах с Францией 1805 г. и 1806–1807 гг. За проявленные отличия в сражениях при Вишпау, Аустерлице, Прейсис-Эйлау, Гутштате и Фридланде получил ордена Святого Владимира 3-й степени, Святой Анны 2-й степени с алмазами, шпагу с надписью «за храбрость», шпагу, украшенную алмазами, и орден Святого Георгия 3-го класса. 16 марта 1808 г. Яшвиль был произведён в генерал-майоры и 5 апреля 1809 г. назначен начальником артиллерийской бригады 4-й дивизии.

В период Отечественной войны 1812 г. Лев Михайлович служил начальником артиллерии 1-го пехотного корпуса графа П.Х. Витгенштейна, участвовал в обороне крепости Динабург. За отличия в сражениях при Якубове, Клястицах, Головчице 18 июля 1812 г. получил чин генерал-лейтенанта. Яшвиль участвовал в сражении под Полоцком (5, 6 августа и 6, 7, 8 октября), в боях при Смоленских, Борисове и Студянке, за что был награждён орденами Святого Владимира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени с алмазами. В ходе Заграничных походов 5 мая 1813 г. Лев Михайлович был назначен начальником артиллерии Главной действующей армии. За сражение при Люцене и Бауцене получил орден Святого Александра Невского и алмазные знаки к нему за взятие Парижа. В 1815 г. был с войсками во втором походе во Францию. Участвовал в Высочайшем смотре на полях Шампани. За порядок в артиллерии Лев Михайлович пожалован орденом Святого Владимира 1-й степени.

При разделении войск на две армии 11 января 1816 г. Яшвиль получил назначение начальника артиллерии 1-й армии, 1 января 1819 г. был произведён в генералы от артиллерии, участвовал в Польской кампании 1831 г. 11 июля 1832 г. Лев Михайлович был назначен членом Военного совета, а 5 мая 1833 г. уволен от должности «впредь до выздоровления». Многолетняя служба Яшвиля 6 декабря 1833 г. была Высочайше оценена орденами Святого Андрея Первозванного и Белого Орла. Как видно, за свою долгую жизнь Л.М. Яшвиль принял участие практически во всех войнах, которые вела Россия, достиг высших чинов и наград.

Умер он 19 апреля 1836 г. и был похоронен в Киево-Выдубицком монастыре. На его могиле была установлена массивная чугунная плита с эпитафией, подчёркивающей его военные заслуги: «Во след орлов парил он с грозными громами, // Лев именем и Львом в кровавых был битвах, // Душевной Доблестью сроднился он с сердцами, // Здесь прах его, а жизнь – осталася в делах».

Сравнивая эпитафии на могилах братьев Яшвилей, невольно замечаешь, что они во многом стали отражением их непростых судеб. Вывезенные из Грузии детьми, они практически одновременно начали службу в российской армии и уверенно шли друг за другом по лестнице чинов Табели о рангах. Впереди старший брат – Владимир, а за ним младший – Лев. Но после 11 марта 1801 г. судьбы братьев пошли разными путями. Лев Михайлович продолжил

службу, покрыл себя славой военных подвигов и сделал блестящую карьеру, а Владимир Михайлович, испытав на себе немилость вступившего на престол Александра I, был вынужден выйти в отставку. Подозрение в убийстве Павла I стало приговором, омрачившим его земную жизнь и преследующим его до сегодняшнего дня. Насколько это справедливо, можно судить по дошедшим до нас воспоминаниям о заговоре против Павла I. Большая часть мемуаристов прямо или косвенно называют участником убийства Льва Михайловича. Для того чтобы говорить о причастности к заговору Владимира Михайловича, веских оснований нет. Более того, вполне вероятно, что он не был 11 марта 1801 г. среди убийц, и страдать ему впоследствии пришлось не за свои деяния, а за поступок своего младшего брата.